

ФЕДОР ВОЙТОЛОВСКИЙ

«ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ – ЭТО СФЕРА ИДЕОЛОГИИ...»

Федор Генрихович Войтоловский – яркий представитель нового поколения российской американистики. Окончил Исторический факультет Московского государственного университета. С 2004 г. работает в Институте мировой экономики и международных отношений РАН, в котором прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора. В 2013 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Идеология и практика атлантизма во внешней политике США». В 2014 г. был избран членом-корреспондентом РАН, а в 2017 г. назначен исполняющим обязанности директора ИМЭМО им. Е.М. Примакова. Ф.Г. Войтоловский преподает в МГИМО и входит в редакционные коллегии ряда крупных отечественных научных изданий. Сфера научных интересов исследователя охватывает вопросы политической психологии, внешней политики США и эволюции международного порядка. Его монография «Единство и разобщенность Запада» стала одной из знаковых вех в отечественных разработках проблематики внешнеполитического сознания и отношений США с союзниками.

Ответственный секретарь журнала «Международные процессы» Игорь Истомин встретился с Федором Генриховичем и обсу-

дил с ним современное состояние трансатлантических отношений, вызовы, стоящие перед внешней политикой США, а также актуальные проблемы российского сообщества исследователей-международников.

И.И.: *Вы получили образование на Историческом факультете МГУ. В то же время Ваша дальнейшая карьера тесно связана с изучением актуальной международной политики. Как осуществлялся Ваш переход от историка к политологу?*

Ф.В.: Скажу честно: я не ощущаю жесткой грани перехода от историка к политологу. Да, я учился на Историческом факультете. В 2001 г. поступил в аспирантуру ИМЭМО на специальность «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». Защищал кандидатскую и докторскую диссертации уже по политологии. У нас в институте сформировалась очень сильная школа методологии системно-исторического анализа. Этот подход позволяет исследовать и анализировать современные международные отношения в их динамике, видеть генезис сегодняшних тенденций, проследить их исторические истоки. Он дает возможность зачастую более точно формулировать прогнозные оценки буду-

шего, потому что если не понимать динамику исторического процесса, долгосрочные тенденции изменений в мировой экономике, международно-политической системе, глубокие социальные сдвиги, происходящие как на уровне отдельных государств, так и на глобальном уровне, трудно понять современную ситуацию и искать объективные основания теоретических обобщений или концептуальных выводов о динамике эволюции международной системы. Тем более проблематично рассуждать о будущем и проектировать образ будущего исходя не из желаемого, а из реального, объективного, того, что может произойти с наибольшей мерой вероятности. В этом отношении историческое образование дает мне, скорее, преимущество.

Более того, поскольку историков учат идти от источника, постольку, строя гипотезы, и моделируя процессы, и просто размышляя, они обязательно опираются на документы — при этом они не только реконструируют сам событийный ряд прошлого, но и строят его интерпретации. Политолог также работает с источниками, хотя зачастую и с другими типами источников, в том числе с массовыми, но перед ним стоит другая задача — не объяснять ход событий прошлого, а анализировать современность и прогнозировать возможные сценарии развития событий. Но необходимость корректной источниковедческой работы с ними — то, к чему приучают историка — дает заметную фору в политическом анализе и при решении прикладных задач. Проникновение в источник, готовность мыслить, опираясь на анализ документов, — вот ключевые для аналитика навыки. Мне повезло, что я прошел школу исторического источниковедения в МГУ как историк, а затем меня учили работать с источниками уже как политолога в ИМЭМО. Приучили совмещать различные типы источников — от нарративных до статистических. Этому я сейчас стараюсь учить моих аспирантов.

И.И.: *Спектр Ваших научных публикаций охватывает широкий круг вопросов, но наи-*

большую известность принесли Вам работы, посвященные американскому внешнеполитическому сознанию. Как Вы пришли к этой тематике? И какова, на Ваш взгляд, роль идеологии в современных международных отношениях?

Ф.В.: Тематикой, связанной с изучением общественного сознания, с политикой психологических и идеологических процессов я заинтересовался, ещё обучаясь в университете. В то время мне повезло читать работы специалистов, с которыми я позднее познакомился лично и с которыми имел невероятное удовольствие работать. Прежде всего, это Николай Алексеевич Косолапов — мой учитель. Кроме того, такие известные специалисты, как Эдуард Яковлевич Баталов — один из крупнейших исследователей проблемы американского внешнеполитического сознания, американской идеологии; Владимир Викторович Согрин — один из ведущих историков-американистов. Для меня эти люди были и остаются научными авторитетами. Мне повезло с ними общаться, и я очень благодарен им за те знания, которые у них почерпнул.

Что же касается выбора тематики психологических, идеологических процессов — когда я начинал ею заниматься, она казалась совершенно не актуальной, никому не интересной, кроме этих трех человек. Я помню, как некоторые старшие коллеги говорили мне: «Федя, ты, конечно, молодец, что заинтересовался американской внешнеполитической идеологией, но это раньше было интересно ЦК КПСС. А сейчас какая идеология? Ты занимайся реальными международными отношениями, а не их идеологическим отражением». Меня это всегда сильно смущало, и я удивлялся, как можно не учитывать взаимосвязь между процессами, которые происходят в сознании элиты, в сознании лиц, принимающих решения, и в сознании массовом, в общественном сознании, с одной стороны, и их воздействием на процессы принятия решения, на осуществление практических внешнеполитических действий, на те самые реальные международные отно-

шения – с другой. Я, в том числе под влиянием работ тех исследователей, которых назвал, а также и других специалистов, труды которых я читал (это и Марк Арсеньевич Хрусталева, и Герман Германович Дилигенский, и Алексей Демосфенович Богатуров, и Генрих Александрович Трофименко), склонялся к тому, что процессы идейно-психологические не просто важны – они зачастую оказываются ключевыми для анализа и прогнозирования поведения лиц, принимающих решения, а значит, и внешней политики государств.

С моей точки зрения, внешняя политика строится на сочетании трех составляющих. Поэтому, когда я анализирую, в частности, действия США, то обращаю внимание: *во-первых*, на экономические процессы и экономические мотивы; *во-вторых*, на внутривнутриполитические процессы, влияющие на внутривнутриполитическую ситуацию на процесс принятия решений; *в-третьих*, на характер и содержание национальных интересов и стратегических целей – а это уже сфера идеологии. Национальные интересы – не только объективная категория. Она зависит от того, кто формулирует приоритеты в сфере безопасности и как их понимают лица, принимающие решения. Стратегическое понимание выстраивается сначала в их сознании, а потом актуализируется во внешней политике государства, в деятельности конкретных ведомств. Для меня три составляющие анализа внешнеполитической позиции того или иного государства очень значимы. Причем США в этом отношении – особо интересный объект для исследования, потому что для них начиная с постколониального периода их история и до наших дней внешнеполитическая идеология оставалась весьма значимой при выработке не только внешнеполитической стратегии, но и выборе форм ее реализации.

Мне с самого начала казалось: то, что происходит в головах лиц и групп влияния, принимающих решения, не менее важно, чем то, что происходит в их кошельках. Зачастую экономическая мотивация и идеологическая мотивация идут рука об руку.

Например, если мы посмотрим на логику воздействия американского военно-промышленного комплекса на принятие внешнеполитических решений в годы «холодной войны», то увидим, что, наряду с постоянным воздействием на бюджетный процесс, на уровень военных расходов, он стремился выступать инициатором многих процессов в экспертном сообществе, в том числе связанных с обострением идеологических, пропагандистских составляющих «холодной войны».

Дальше возникает инерция: с одной стороны, это искусственно созданная волна, а с другой стороны, она захватывает в том числе и тех, кто ее формирует. Носителям той или иной идеологической платформы подчас трудно отделить свои прагматические интересы, связанные с их экономическими или внутривнутриполитическими мотивами, от того, к чему их подталкивает та идеология, которую они формировали, но в которую они верят и сами. В результате идеология меняет понимание рациональности. Она порождает иную идеологически обоснованную и мотивированную рациональность. Этот феномен, как правило, в недостаточной мере учитывается при изучении многих процессов (как внутривнутриполитических, так и внешнеполитических).

Как писал замечательный американский писатель-фантаст Филип Дик – главная проблема нацистов была в том, что они начали верить в те идеи, благодаря которым пришли к власти. И не только верить, но и реализовывать их на практике! Это работает всегда – насколько бы человек ни был прагматичен, циничен, насколько бы он ни был прожженным конъюнктурщиком и игроком, он все равно вынужден верить в те идеи, от имени которых выступает. Пусть в большей или в меньшей степени, но он должен их учитывать и, более того, не может этого не делать.

И.И.: *Основным объектом Ваших исследований выступала идеология атлантизма. Сегодня, после едва ли не официального назначения Китая основным конкурентом США, в каком направлении трансформиру-*

ются содержание и роль этой идеологической конструкции?

Ф.В.: Американский атлантизм пережил громадную эволюцию. Он появился до Второй мировой войны как система идей о ценностной, цивилизационной, политической общности евроатлантических держав и — превратился в идеологическую платформу крупнейшего в мировой истории военно-политического блока. При этом в период развития уже в качестве основы деятельности НАТО атлантизм также претерпел значительные изменения. Если мы посмотрим на его трансформацию с начала 1990-х годов, то он перестал быть идеологической опорой жизнедеятельности евроатлантического сообщества безопасности, превратившись в обоснование трансформации государств и обществ вокруг евроатлантического пространства. Он также стал идейной основой для вмешательства в дела других государств, зачастую весьма удаленных от Евроатлантики.

Исторически атлантизм — это прежде всего опора взаимодействия США с союзниками в Европе. Тем не менее в 1990-х годах, в основном как результат деятельности второй администрации У. Клинтона, он превратился в одну из составляющих американского внешнеполитического глобализма. Американский глобализм как идеология и принцип осуществления внешней политики во все большей степени учитывает те изменения, которые происходят в мире и в сознании элиты Соединенных Штатов. В частности, то, что Евроатлантика перестает сегодня быть предпочтительно важным для Соединенных Штатов регионом мира.

Азиатско-Тихоокеанский регион с конца XIX века приобрел существенное значение для Соединенных Штатов. Имели место даже периоды, когда его важность оказывалась превалирующей в сравнении с евроатлантическим регионом. В то же время упрочение роли Китая в качестве конкурента и оппонента США в Азии (а возможно, и за ее пределами) меняет не только приоритеты американского внешнеполитического планирования, но и приоритеты

военного планирования Соединенных Штатов, определяя и их отношения с союзниками в Европе. Между тем у европейских партнеров США выстраивается своя система взаимодействия с КНР. В результате интересы США и союзников могут существенно различаться, поскольку для европейских союзников Китай не является конкурентом в сфере безопасности. Поднебесная для них — потенциальный и реальный партнер в экономической и политической сферах, перспективный рынок, площадка для размещения прямых иностранных инвестиций.

Для Соединенных Штатов КНР — тоже не только потенциальный оппонент, но и страна, с которой их связывают отношения глубокой экономической взаимозависимости. Последняя становится фактором, амортизирующим конфронтационные тенденции в американо-китайских отношениях. Сложившаяся ситуация качественно отличается от исторического опыта взаимодействия с Советским Союзом, строившейся на конфронтации различных общественно-экономических систем. Соответственно, она требует иных подходов, в том числе идеологических. В этом смысле с Китаем, также воплощающим своеобразную модель развития, дело обстоит гораздо сложнее, чем в годы «холодной войны». Китайская модель не предполагает безусловного антагонизма в отношении американских принципов и институтов. Не претендует КНР, во всяком случае пока, и на распространение своего идеологического влияния в глобальных масштабах, не предлагает универсальной по охвату идеологии.

Оставаясь верным (пусть и номинально) марксистско-ленинским принципам и маоизму, Китай стал «экономическим животным» (economic animal). Его элита ориентирована в первую очередь на распространение влияния на новых рынках, на формирование транспортных логистических коридоров, которые позволят китайским товарам распространяться по миру, на расширение свободной торговли, на наращивание возможностей использования наземных и морских коммуникаций. Пекин, будучи заинтересо-

ванным в получении свободного доступа к ресурсам из других регионов мира, в том числе из Центральной Азии, Африки, Латинской Америки, стремится расширить присутствие и влияние именно там.

Соединенные Штаты, как опытная держава, смотрят на действия китайской стороны с осторожностью, не переходят к открытой конфронтации, хотя риторика обеих сторон зачастую может носить нелюбезный характер. Фактор Китая все больше влияет на американское внешнеполитическое и военное планирование, структуру оборонных расходов и приоритеты американского военного строительства. Еще один показатель заинтересованности Вашингтона в создании условий мягкого сдерживания Китая на перспективу – стремление выстроить новую систему партнерств в сфере безопасности в регионе, которая включала бы не только старых союзников – Японию, Республику Корея, Австралию, но и Индию. В отношениях же с союзниками в Европе, а значит, и в развитии атлантизма, деятельности НАТО, китайская тематика уже не столь значима.

У США на повестке дня стоит вопрос об оптимизации взаимодействия с союзниками в Азии. Это очень серьезный вопрос, поскольку сами контрагенты Соединенных Штатов меняются, а их отношения с Китаем намного тоньше, нежели ранее с Советским Союзом. Фактор экономической взаимозависимости здесь оказывается ключевым. Система взаимодействия между союзниками США в регионе и Китае, с одной стороны, содержит много квазиконфронтационных элементов, а с другой – между ними наблюдается и укрепление торгово-экономических связей. Эта дихотомия тоже сильно меняет систему отношений. В этом отношении система международного взаимодействия, складывающаяся в Азиатско-Тихоокеанском регионе, существенно отличается от той, которая существовала в этом регионе в годы «холодной войны» и которая блестяще проанализирована в работах А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского и многих других.

Противоречивый характер развития отношений может привести к самым неожиданным сценариям, в том числе и во взаимодействии между КНР и США. Подобная перспектива становится вызовом для России. Непредсказуемый вектор эволюции отношений между двумя другими крупными державами вынуждает её выстраивать особый подход к наращиванию влияния в регионе, а также выстраиванию собственных отношений как с Китаем, так и со странами АСЕАН, другими региональными игроками, Соединенными Штатами и их европейскими союзниками. Более того, развитие ситуации в Тихоокеанской Азии может сильно изменить всю систему международных отношений.

И.И.: Вы говорили, что в 1990-х годах произошло превращение атлантизма в часть американского глобализма. Если обратиться к последним саммитам и решениям НАТО, возникает ощущение, что миссия Альянса снова трансформируется, и акцент делается на том, что сама организация называется «территориальной обороной». Не появляется ли в этой связи зазор между структурой, которая создана, и её идеологией?

Ф.В.: Появляется. И это предопределено целой группой факторов. Во-первых, экономическими мотивами. Ещё до финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. значительная часть европейских союзников Соединенных Штатов не хотели по социально-экономическим и внутривнутриполитическим причинам нести бремя военных расходов на том уровне (2% ВВП), который считается необходимым с точки зрения стандартов НАТО. Каждый раз утверждая военный бюджет, правительства членов Альянса должны обосновывать, куда были или будут потрачены средства. Соединенные Штаты тщетно пытаются заставить европейских союзников платить больше. Например, Дж. Буш-мл. критиковал их за пассивность в этом вопросе. Этой позиции придерживался и Б. Обама. Её же пытается выдержать и Д. Трамп.

Европейские страны подобные требования не радуют. Можно сколько угодно раз-

двать миф о военной угрозе со стороны Москвы, но её виртуальность все более очевидна для союзников США. Россия действительно существенно укрепила свои вооруженные силы, но в пределах разумной достаточности. У нее есть программа перевооружения. Вместе с тем у России нет рациональной мотивации к нападению ни на одну из стран НАТО. Все мифы, которые культивируются новыми членами НАТО, вступившими в организацию в 1990–2000-х годах, полезны лишь для их правительств во внутривнутриполитической сфере, но не имеют ничего общего с реальной оценкой вызовов и угроз безопасности Альянса.

Даже украинский конфликт и его политико-психологические последствия для элиты и обществ европейских государств—членов НАТО не смогли обосновать гипотетическую военную угрозу со стороны Москвы: любой рационально мыслящий человек в военно-политическом сообществе стран НАТО прекрасно понимает, что война с Россией — это миф. Новым членам НАТО статус «прифронтовых государств» нужен для приобретения большего веса в евроатлантических структурах (НАТО, ЕС). Создаваемый миф не способен сподвигнуть европейских членов Альянса действовать более активно вне узких рамок решения собственных задач.

Что касается стратегических документов Альянса, то в них в самом деле имеет место возвращение к реализму, пониманию того, что приоритеты в сфере безопасности должны быть сосредоточены в пределах европейского или евроатлантического региона. Вместе с тем такой пересмотр не означает, что глобалистские интенции исчезли из идеологии атлантизма навсегда. Просто сейчас для них не время.

И ещё один момент. На протяжении всех 1990-х годов европейские союзники США испытывали эйфорию по поводу территориального расширения евроатлантических структур и возрастания их влияния. Однако проблемы, с которыми Альянс столкнулся в ходе операций в Афганистане и ряда других мероприятий, связанных с выходом за пре-

делы традиционной зоны ответственности, продемонстрировали, что издержки (причем не только военные или экономические, но и внутривнутриполитические) не позволят правительствам стран—участниц Альянса все-ррез думать о превращении НАТО в силовой инструмент глобального управления.

Интересно, что уже в начале 2000-х годов Соединенные Штаты предпочитали действовать вне институтов НАТО, что свидетельствует об изменении оценок американским политическим и экспертным сообществами дееспособности Альянса. Он был нужен США как силовая структура, но, убедившись в ограниченных возможностях этого инструментария, администрация Дж. Буша-младшего предпочла действовать в одиночку. Операция Международных сил содействия безопасности в Афганистане была передана под контроль НАТО, но изначально американцам оказалось сподручнее действовать в одиночку или в формате «коалиции желающих», а не опираться на забюрократизированные структуры, жестко регламентированные процедуры согласования и утверждения решений. При Б. Обаме имела место попытка возврата к евроатлантическому институционализму, но она носила ограниченный характер, а попытки Соединенных Штатов делегировать полномочия европейским членам Альянса (как это было в ситуации с ливийским кризисом) повлекли за собой более чем сомнительные как в военном, так и в политическом плане результаты.

Действия Д. Трампа в этой сфере предугадать пока затруднительно, но однозначно можно констатировать, что он не институционалист. Соответственно, НАТО как инструмент глобального влияния США и союзников вряд ли возродится в той роли, в которой он использовался в 1990-х годах. Будучи консервативным республиканцем или даже скорее консерватором «трамповского толка», нынешний американский президент скептически оценивает любые связывающие обязательства, создающие рамку для внешнеполитического поведения. Для него гораздо важнее иметь свободу рук.

Вместе с тем у евроатлантической солидарности сегодня есть не только военно-политическое измерение. Использование экономических, финансово-экономических и политических рычагов в качестве силовых (но невоенных) инструментов представляется новым направлением совместной деятельности США и европейских союзников. Более того, и в рамках НАТО внимание к невоенным аспектам сотрудничества возрастает уже давно, хотя и с немного другими акцентами. Думаю, что практика использования многосторонних санкций, инициированных США и поддержанных их союзниками, будет расширяться, тем более что американское законодательство создает для этого благоприятные основания.

Мы знаем, что все крупные атлантические инициативы всегда имеют в основе американские корни. В частности, каждому расширению Альянса предшествовало принятие соответствующей резолюции Конгрессом США: сначала решение Конгресса, а потом уже решение Совета НАТО. Принят закон о противодействии противникам США посредством санкций, создана соответствующая законодательная база, в том числе и для экстерриториального использования этого законодательства. Таким образом, пострадать от нарушения американских правил могут и европейские союзники Соединенных Штатов, которые ведут торговые и иные отношения со странами, попавшими под ограничения: Ираном, Россией, Северной Кореей. Перед ними стоит вопрос: интересы какого бизнеса важнее для европейских правительств – того, который работает в странах, находящихся под американскими санкциями, или того, который действует в США. Ответ очевиден: американский рынок важнее. В результате у Соединенных Штатов имеется инструмент управления поведением союзников, весьма эффективный в контексте развития евроатлантических связей – он позволяет блокировать любую оппозицию Вашингтону в западном сообществе. Несмотря на критику США за их политику, сам факт сохранения режима санкций в отношении

России свидетельствует о неспособности европейских союзников США проводить самостоятельный курс.

И.И.: *Вы подробно остановились на меняющемся международном контексте, который влияет на внешнеполитическое сознание. В то же время и сами Соединенные Штаты трансформируются. Свидетельство тому – многочисленные протестные акции, имевшие место в последние годы, а также президентская кампания 2016 г. По Вашему мнению, как изменения в американском обществе влияют на внешнеполитическое сознание и внешнюю политику США?*

Ф.В.: В Соединенных Штатах на протяжении истории менялось соотношение двух составляющих внешнеполитической идеологии. С одной стороны, рос и эволюционировал американский глобализм, с другой – сохранялся, видоизменялся и трансформировался изоляционизм. Последний выражался в стремлении расставить приоритеты в области внешней политики таким образом, чтобы оптимизировать решение задач собственного развития и сохранения влияния в Западном полушарии, исторически приоритетном для США. Американский изоляционизм был связан со специфическим пониманием безопасности и очень сильно отличается от тех его вариантов, которые сложились в других странах. Оно предполагает не только защищенность собственной территории, собственных граждан, но и создание такого международного окружения, такого мира, который будет безопасным для Соединенных Штатов. Это устремление подталкивает к активному вмешательству в дела других регионов мира. Иными словами, изоляционизм побуждает США к ведению наступательной внешней политики.

Сегодня мы наблюдаем чрезвычайно интересный феномен. С одной стороны, Д. Трамп говорит о том, что Соединенным Штатам нужно сбросить с себя бремя избыточных обязательств. Нужно крайне прагматично выстраивать отношения и с партнерами, и с союзниками, и с оппонентами. А с другой – американский президент стре-

мится сохранить глобальное влияние США: оно ему нужно для экономического развития, обеспечения безопасности страны и выполнения обязательств, данных американскому избирателю. Возникает интересная ловушка: с одной стороны, он обещает вернуть производство из Азии в свою страну, обещает рабочие места американцам, а с другой – стремится сохранить свое влияние в той же самой Азии. В результате, например, Д. Трамп против Транстихоокеанского торгово-экономического партнерства (ТТП), но за то, чтобы иметь зону свободной торговли со странами региона там, где это выгодно Соединенным Штатам. Озвученные обещания сложно соотносятся друг с другом, фиксируя новый баланс между изоляционизмом и глобализмом.

Зачастую американский глобализм содержит в себе элементы, привнесённые изоляционизмом. В свою очередь, американский изоляционизм отличается от других форм изоляционизма, поскольку он не нацелен на то, чтобы закрыться от мира. Он нацелен на то, чтобы все то, что происходит вовне, не создавало даже потенциальных угроз для самих США и служило интересам их развития.

Поскольку администрация Д. Трампа лишь начала выстраивать свой курс, сложно делать выводы о сути её китайской или российской политики, политики в отношении союзников. Политические устремления новой администрации станут очевидны лишь через 2–3 года. Некоторые предвыборные обещания Трамп воплотит в жизнь, а другие останутся лишь пустыми декларациями. Например, он прекратил участие США в ТТП. Между тем проблематика Трансатлантического инвестиционного партнерства практически не освещается, но от этой идеи президент США не отказывался, понимая значимость европейского рынка для Соединенных Штатов, значимость этого инструмента для укрепления евроатлантических связей.

Вернется ли Д. Трамп к выстраиванию преференциальных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, опираясь на сеть двусторонних торговых партнерств? Пойдет

ли он по пути выстраивания новой многосторонней институциональной архитектуры? Какие именно двусторонние договоренности он сохранит, какие будет развивать, а какие – попытается ослабить? Ответы на все эти вопросы пока не просматриваются.

Для Соединенных Штатов в обозримой перспективе остается абсолютно непреодолимой глубокая финансово-экономическая взаимозависимость с КНР, хотя в Азиатско-Тихоокеанском регионе возрастает конкуренция, а между США и Китаем противоречия обостряются. Не понятно: где взять в таком количестве столь дешевые товары для американского потребителя? как повысить уровень прибыли для американских компаний, которые инвестируют в КНР? как снизить объемы двусторонней торговли? Они оцениваются сегодня в 580 млрд при наличии большого торгового дефицита для Соединенных Штатов. Как не потерять растущий и перспективный китайский рынок, который интересен американским компаниям, и при этом выстроить новую систему отношений с укрепляющимся в военно-политической сфере Китае? Ведь военный бюджет КНР уже составляет четверть от американского и в 3 раза превышает российский. Всё это очень актуальные вопросы. Столь существенных изменений в соотношении сил ещё не было. Динамика развития китайского военно-промышленного комплекса и китайской внешнеполитической идеологии позволяет прогнозировать укрепление политического влияния Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, которое побуждает Соединенные Штаты реагировать на этот вызов. Экономические процессы порождают принципиально иную мотивацию к выстраиванию взаимодействий с Пекином у значительной части американской элиты, чем та, которую подсказывают военно-стратегические императивы.

И.И.: Вы вошли в руководство крупнейшего института международных исследований в относительно раннем для отечественной академической практики возрасте. Кроме

того, на протяжении ряда лет Вы возглавляли Координационный совет по делам молодежи в научной и образовательной сферах при Президенте России. Наряду с Вами руководящие позиции в ИМЭМО занимает целая плеяда тех, кого принято называть «молодыми» докторами наук. Насколько, как Вам кажется, поколение исследователей, сформировавшееся в 2000-х годах, готово занимать лидирующие позиции в российской науке?

Ф.В.: Я считаю, что я и многие мои коллеги, занявшие эти позиции, получили их некоторым авансом, поскольку в общественных науках требуется длительное накопление профессионального опыта, знаний и компетенций. И не всегда, как я могу судить по себе, мы в полной мере соответствуем профессионально тем позициям, которые занимаем. Да, мы стараемся, мы очень стараемся. У нас были хорошие учителя, и они остаются с нами. В то же время ситуация такова, что на те позиции, которые сейчас в российской науке занимают 35–40-летние люди, раньше приходили специалисты в возрасте от 45–50 лет, а то и старше.

С одной стороны, наше поколение научных управленцев характеризуется энергичностью и динамизмом в силу возраста и мотивации к активной деятельности. С другой – ему не хватает профессиональной осторожности, опыта, знаний. Вместе с тем у нас нет выбора, потому что из-за провала финансирования науки 1990-х – начала 2000-х годов очень многие исследователи ушли из науки. В результате во всех институтах Академии наук гуманитарного, общественно-научного профиля, во всех университетах основу кадров составляют люди моложе 40 и старше 60. Возрастной же промежуток между ними мало заполнен. Есть лишь единицы энтузиастов, которые остались по разным причинам в науке. Это вынуждает моих ровесников занимать позиции, к которым мы шли бы гораздо дольше, если бы не случился кризисный перелом, когда недофинансирование выдавило тех, кто имел амбиции реализовывать крупные проекты и мог бы становиться управленцем в образователь-

ных и исследовательских организациях. С одной стороны, нам очень повезло, а с другой – на нас легла высокая ответственность, которая вынуждает быть требовательными и к себе, и к тому, как мы работаем с теми, кто идет после нас.

Например, у нас в ИМЭМО сейчас треть научных сотрудников моложе 35 лет – это очень хороший показатель и огромная заслуга президента института академика А.А. Дынкина, проводившего активную кадровую политику с середины 2000-х годов. Он не только сделал ставку на молодых исследователей, которые работали в институте тогда, но и создал условия для привлечения следующего поколения молодежи, которых уже мы учим вместе со старшими товарищами, и это, конечно, грамотный кадровый подход, нацеленный на будущее. Академик А.В. Торкунов, кстати, проводит в МГИМО примерно такую же политику.

То же самое с Российской академией наук, в составе которой сегодня много молодых членов-корреспондентов. На последних выборах по молодежным квотам были избраны исследователи в разных отраслях знаний. Пришло много, но, может быть, всё же недостаточно много. У меня есть друзья: и физики, и биологи, и химики, и медики, и математики, и историки – некоторые из них избралась, некоторые из них не были избраны, но пытались избраться, стать членами-корреспондентами Российской академии наук. Если мы посмотрим на средний возраст той волны, которая сейчас пришла в Академию (очень, правда, небольшую волну) и на средний возраст академиков, то мы увидим еще больший разрыв. Что будет в этом отношении с Академией в будущем, как передать это фундаментальное знание, столь значимое для развития страны, от одного поколения к другому? Как выстроить эту связь поколений? Как дать большую дорогу молодежи? Это колоссальный вызов для следующего президента Академии наук.

И.И.: *С 2016 года, когда Вы были избраны членом-корреспондентом Академии наук, Вы активно выступаете, в том числе в сред-*

ства массовой информации, по вопросам её развития и реформирования. Как бы Вы оценили влияние текущей трансформации РАН на отечественные международные исследования?

Ф.В.: Реформа Академии наук была очень нужна, и это понимали в самой Академии. Другое дело, что РАН как институциональная структура не была готова её проводить. В результате решения, которые были приняты в рамках реформы, были негативно восприняты научным сообществом, потому что показались вмешательством государства в «святыя святых», в академическую жизнь и в организацию исследований. Далеко не все преобразования были действительно глубоко проработаны и продуманы.

Вместе с тем в процессе реформирования возникли не только негативные, но и позитивные тенденции, обусловленные не столько привлечением публичного внимания, сколько наведением порядка в хозяйственных, административных и правовых вопросах. Здесь Федеральное агентство научных организаций сделало немало полезного. С другой стороны, существует колоссальная угроза бюрократизации научного процесса. Как обеспечить максимальную эффективность исследований, повысить динамизм работы научных организаций исследовательских институтов ФАНО и Российской академии наук? Как обеспечить академическую независимость и одновременно избежать чрезмерной бюрократизации, чрезмерной зарегулированности, избыточного вмешательства государственных структур в процесс управления наукой? С одной стороны, реформа Академии наук дала стимул развитию интенсивного взаимодействия между экспертным сообществом и госаппаратом, а с другой – привнесла формальные элементы в процесс управления наукой, а этого хотелось бы избежать.

В том, что касается ИМЭМО: мы, благодаря реформе Академии наук, смогли получить некоторые новые возможности. Например, ИМЭМО трансформировался в национально-исследовательский институт и подвергся доказавшей свою эффектив-

ность реструктуризации. Мы создали новые подразделения, например центр постсоветских исследований. Сейчас рассматривается возможность создания структуры, которая бы занималась проблемами Ближнего Востока. Мы, трансформировав центр ситуационного анализа и интегрировав его в свою структуру, сохранили динамизм в его работе и даже привнесли некоторые новые направления в его деятельность. И здесь деятельность, которую ведет академик В.Г. Барановский и руководитель центра И.Я. Кобринская, работающие в структуре ИМЭМО, значительна и востребована.

Не могу сказать, что реформа чему-то помешала или на что-то серьезно повлияла, но не могу также сказать, что она позволила нам достичь чего-то принципиально нового, хотя в кое-каких делах мы навели порядок. Мы смогли, получив финансовую поддержку ФАНО, решить часть своих хозяйственных проблем. В частности, закончили реконструкцию большого актового зала, позволяющего проводить крупные мероприятия с участием 300 и более гостей.

Если говорить об управлении наукой в целом, то нам, очевидно, необходима оптимизация и модели её финансирования. К сожалению, на протяжении многих лет приоритет отдавался грантовым моделям стимулирования исследований. Она хороша для поисковых исследований, но не работает для фундаментальных, долгосрочных программ, требующих внимания на протяжении десятилетий. Более того, грантовая модель не предоставляет возможность (за исключением мегагрантов) финансирования крупных проектов, по настоящему больших исследований, подготовки фундаментальных монографий. Грантовое финансирование науки стимулирует к созданию малых групп, ориентированных на проектное мышление, на реализацию ограниченного исследования и создание конечного продукта (монография, серия статей, посвященных той или иной теме).

Большинство грантов небольшие. Более финансово значимой представляет-

ся поддержка Российского научного фонда, обеспечивающая финансирование исследований качественно иного уровня по сравнению с другими организациями. Масштабные же программы исследования, тем более исследования, рассчитанные на участие нескольких институтов или взаимодействие института и крупного вуза, не могут быть профинансированы обычными грантами. Нужен целевой госзаказ под изучение фундаментальных проблем. Подобная модель финансирования способна давать гарантированные, серьезные средства для исследования избранной проблематики.

Существует сметное финансирование, которое выделяется вне конкурса, но оно недостаточно. Оно недостаточно для того, например, чтобы молодой ученый мог нормально жить в крупном городе и вести научную работу. Ему приходится (в свое время я пережил это и сам) участвовать в двух, трех, а иногда и в большем количестве проектах, грантах, договорных работах. Иными словами, ему приходится «разбрасываться», что затрудняет написание крупных, фундаментальных монографий, а без них наука не движетсяя.

Статьи — это хорошо для тех, кто любит наукометрические показатели, ими удобно отчитываться перед министерствами и ведомствами. В то же время они не позволяют создавать серьезную фундаментальную общественную науку. Для того чтобы изучить крупную проблему, для того чтобы человек мог реализовать себя как специалист, ему необходима подготовка собственных крупных монографических исследований и возможность участвовать в крупных коллективных монографиях, а этот жанр переживает кризис, потому что нет модели финансирования их подготовки.

Грантовая модель, скорее, создает основу для формирования сборников статей, и очень редко удается по итогам соответствующих проектов выпустить крупные монографические исследования. Почти все крупные монографии, выпущенные за последние 10 лет в ИМЭМО («Глобальная перестройка», «Россия и мир», стратегиче-

ские глобальные прогнозы), были подготовлены в рамках сметного финансирования без какой-либо внешней поддержки и только на энтузиазме коллектива.

Наука сейчас пытается зарабатывать, активно ищет возможность привлечения дополнительных средств для финансирования исследований. Выполняя научно-исследовательские разработки в интересах органов государственной власти, работая с российскими компаниями с госучастием, ученые получают опыт прикладной аналитической работы, но это отвлекает от фундаментальных исследований, от изучения ключевых проблем в мировой экономике и международных отношениях. Отсюда возникает необходимость разработки эффективной системы стимулов. Это ключевой вопрос, стоящий перед теми, кто принимает решения в научно-образовательной сфере в России. Я не знаю, ставят ли они его перед собой.

И.И.: *В нынешнем году ИМЭМО выпустил прогноз мирового развития до 2035 г. В нем представлены перспективы международной политики, в оценке которых Вы приняли непосредственное участие. Не секрет, что прогнозирование (особенно долгосрочное) многими воспринимается скептически. Чь бы Вы могли ответить тем, кто не верит в полезность такой работы?*

Ф.В.: В ИМЭМО мы уже больше 15 лет создаем ежегодные прогнозы (речь идет о прогнозе «Россия и мир, экономика и внешняя политика» на следующий год) и уже на протяжении более чем 40 лет занимаемся долгосрочным прогнозированием. С начала 1990-х годов мы сделали эти публикации открытыми: до этого они носили закрытый характер. Мы не пытаемся предсказать конкретные события (это можно делать только в краткосрочных прогнозах), в долгосрочных прогнозах мы анализируем текущие экономические, социально-демографические, политические, идеологические, идейно-психологические тренды и пытаемся на основе этого анализа дать системную оценку динамики их дальнейшего развития.

Мы не говорим, например, что Соединенные Штаты вступят в конфронтацию с Китаем из-за такого-то вопроса в таком-то году. Мы говорим о том, что есть тенденции к усилению противоречий в политической сфере и в перспективе в военно-политической сфере между этими двумя странами. Это совершенно объективные тренды, о которых свидетельствуют программы военно-морского строительства Китая и Соединенных Штатов. Военный корабль строится несколько лет, и те корабли, которые сегодня закладываются на стапелях, выйдут в море через 3–5 лет. Соответственно, зная текущее количество заложенных кораблей, мы можем объективно прогнозировать возможности военно-морского флота. На основе такого рода прогнозных оценок мы можем говорить о том, что возрастет военно-морской потенциал Китая, и Соединенные Штаты будут вынуждены сконцентрировать большую часть своего военно-морского потенциала в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это потребует привлечение дополнительных ресурсов, в том числе и финансовых и технологических. Именно такого рода прогнозированием мы занимаемся, а предсказание

событий, ожидаемых в конкретном году, прерогатива астрологов и звездочетов, а не политологов, аналитиков и прогнозистов.

Прогнозирование вероятности тех или иных сценариев и тенденций необходимо для поступательного развития. Например, говоря о прогнозах на 2035 год, мы исходим из того, что управленцы, которые в 2035 г. окажутся на ведущих позициях в органах управления в основных державах и которым к этому периоду будет уже 45 лет, уже родились, уже учатся или начали свою профессиональную деятельность. И мы можем сейчас понять, какими они станут, сколько их будет, какими будут условия, в которых им придется действовать.

Безусловно, всегда существует возможность катастрофического сценария радикального изменения системы международных отношений и каких-то выходящих за пределы возможной прогнозной оценки событий, и это нужно учитывать при любом прогнозировании, но всегда необходимо стараться заглянуть за горизонт.

И.И.: Федор Генрихович, спасибо за Ваше время и внимание к читателям нашего журнала.